

СТИХОТВОРЕНИЕ А. С. ПУШКИНА «ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛ...» В ШКОЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ

Одно из самых совершенных и глубоких стихотворений А. С. Пушкина «Вновь я посетил...» не всегда вызывает мгновенный эмоциональный отклик школьников: последние встречаются с ним в том возрасте, когда размышления о вечной смене поколений еще не волнуют их. Подростки-восьмиклассники воспринимают подобные вопросы отвлеченно, чаще всего как «чужие», как бы «вне контекста собственной личности». Имея в виду эту особенность восприятия, важно в начале изучения стихотворения привлечь внимание учащихся не столько к философской стороне содержания, сколько к личности самого поэта, так ярко выразившейся во «Вновь я посетил...». Это возможно потому, что ни в одном из лирических произведений Пушкина, представленных в школьной программе, поэт не открывается ребятам так «лично», как здесь.

«Вновь я посетил...» — открытый лирический монолог. Погрузившись в раздумье, поэт открывает в себе и окружающем «быстротекучесть» жизни, а читатель оказывается сопричастным к авторским чувствам, потому что они осуществляются, разворачиваются как бы на наших глазах. В этих мыслях и чувствах отразилось не одно «чуждое мгновенье», пережитое поэтом, а итог его многолетних раздумий над коренными вопросами человеческого бытия — над жизнью, смертью, ходом времени, вечностью. Стихотворение при этом связано с конкретными биографическими обстоятельствами: ему предшествуют письма поэта жене и Нащокину, и во многих существующих исследованиях¹⁾ стало уже традицией предварять его чтение и анализ этими письмами, а также раскрывать круг переживаний Пушкина, вызвавших появление «Вновь я посетил...». Подобная подготовка к восприятию художественного текста не содержит, конечно, ничего порочного; однако

¹⁾ См. о «Вновь я посетил...» С. Е. Шаталов. Образец философской лирики. «Ученые записки Таджикского университета им. В. И. Ленина», т. 19, серия филологических наук, вып. 2, 1958; К. П. Лахостский и В. Ф. Фролова. Пушкин в школе. Л. Учпедгиз, 1959; Н. Л. Степанов. Лирика Пушкина. М. «Советский писатель», 1959; Э. Л. Войтоловская и Э. М. Румянцева. Практические занятия по русской литературе XIX в. М.—Л., «Просвещение», 1966.

есть опасность, что в этом случае стихотворение может показаться образным воплощением уже сложившихся у автора ранее философских идей-понятий, тогда как в действительности пушкинская мысль рождалась и выкристаллизовывалась именно в процессе самого художественного творчества—создания стихотворения. Это обстоятельство, а также цели развивающего обучения делают более предпочтительным иной ход анализа.

Когда мы сначала даем сведения о настроении Пушкина и его письмах, стихотворение невольно начинает восприниматься под заранее заданным углом зрения, становится иллюстрацией тезиса, сообщенного учителем; в эмоционально-мыслительном процессе ученика при чтении стихотворения могут пропасть моменты неожиданности, поисков и открытий. Когда же переживания поэта и философское отношение его к жизни выводятся из самого текста, а затем обобщаются с помощью дополнительно привлекаемого художественного и эпистолярного материала,—восприятие произведения становится более активным, а ход работы стимулирует творческое мышление. К тому же анализ в этом случае более соответствует самому процессу художественного творчества: у Пушкина художественная истина рождается в образах, развивается через их сцепление, и само движение их ведет к философскому открытию; ученику многое дает приобщение к такому творческому постижению авторской мысли—эмоции. Поэтому всгруппительное слово перед чтением стихотворения может быть сведено в данном случае к минимуму—сообщению даты создания стихотворения да краткому напоминанию о прежних встречах Пушкина с Михайловским.

Воспоминания о них сопутствуют поэту при каждом его новом свидании с былыми «знакомцами», воскрешают в воображении прежние переживания и мысли. Начальное отточие и усечение первой строки стиха как бы подчеркивает, что лирическое раздумье уже начато; сначала оно совершается где-то подспудно, а затем выливается в прямой монолог, потому что поэт не может удержать в себе поток воспоминаний. Когда-то, в 1817 году, он радостно приветствовал эти места, как «прият спокойствия, трудов и вдохновенья», а затем прожил здесь «два года незаметных». В самом воспоминании об этом как будто бы нет ничего драматического, но с первых же строчек возникает ощущение какой-то тихой и в то же время щемящей боли и от того, что «уж десять лет ушло»... и что «много переменилось в жизни», и, главное, что «переменился» сам поэт. В годы творческой и жизненной зрелости перемены в человеке осознавались Пушкиным как закон всеобщего движения в природе. Об этом пишет он и в первую болдинскую осень:

«Бегут, меняясь, наши лета,

Меня все, меняя нас».

(«В последний раз твой облик милый»),

и в стихотворении на последнюю лицейскую годовщину:

«Прошли года чредою незаметной,
И как они переменили нас!
Недаром—нет!—промчалась четверть века!
Не сетуйте,—таков судьбы закон.
Вращается весь мир вокруг человека,—
Ужель один недвижим будет он?»

Но эти стихи, как правило, школьникам неизвестны, и в их сознании облик Пушкина овеян постоянной ясностью, мужественным свободолобием. Они привыкли знать, что даже если он грустит,—«печаль его светла». И вдруг перед ними—откровенно грустящий поэт, «покорный» общему закону движения жизни. Таким неожиданным, «не идущим» привычному облику Пушкина кажется этот эпитет—«покорный»...

Правда, «покорность» переменам отчасти опровергается жизнью воспоминаний. как будто все было совсем недавно! Так свежа память о былых днях, что «кажется, еще вечер бродил я в этих рощах». Вновь поэт медленно обходит дорогие ему места, то останавливаясь возле домика няни, то поднимаясь на «холм лесистый», то приближаясь к границе «владений дедовских». Все здесь знакомо, все как будто такое же, что было всегда. Уже в «Деревне» возникал конкретный пейзаж Михайловского, и само созерцание природы приносило душе поэта освобождение от «суетных оков». Картины ласкали взгляд, в них передавались радующие человека подробности (характерна подчеркнутая эмоциональность и живописность эпитетов: «светлые ручьи», «подвижные картины», «лазурные равнины», «душистые скирды»). Конечно, все это было немножко идиллично, и, однако, сквозь условность пробивались действительно живые впечатления от природы дорогих поэту мест. Прошло десять лет—и те же холмы, озера, нивы воспринимаются иначе. Прежде всего, каждая примета пейзажа связывается с пережитым, и перед взором проходят картины-воспоминания: «опальный домик» заставляет вспомнить о «бедной няне»; «холм лесистый»—о грусти по «иным берегам»; три сосны—о ночных прогулках по дороге в Тригорское и т. д. Собственно пейзаж остается тем же: холм, озеро, деревни, мельницы... Но грусть от этого не уменьшается: постоянство природы, малая заметность в ней перемен заставляют поэта еще острее ощутить их в себе и вообще в человеческой жизни: домик, где жила няня, стоит, но он безжизнен, «не слышно в нем шагов ее тяжелых», потому что «уже старушки нет». Так с первых же строк возникает в стихотворении «мысль о смерти неизбежной», хотя прямо она не высказана: говорится лишь о покорности «общему закону», да о том, что нет няни.

В отличие от пейзажа «Деревни», данного подробнее и идил-

личнее, здесь описание природы более избирательно, во-первых, (взгляд обращен прежде всего на то, что будит воспоминание) и лишено умиления, во-вторых. Если в начале стихотворения причиной грусти оказывалось ощущение быстротечности времени, влекущего перемены в человеке, то в картинах-воспоминаниях эта грусть связана также с постоянством контраста между вечной прелестью природы и убогостью народной жизни. Только в «Деревне» этот контраст был выявлен в прямых формулах, резко, подчеркнуто, а здесь он скрыт в эмоциональном подтексте и как бы сглажен равномерной «текучестью» стиха. Звучание стиха удивительно и неожиданно: он не льется, как в послании «К...» («Я помню чудное мгновенье»); не звенит медью ораторских интонаций, как в «Деревне»; в нем нет сдержанной торжественности ритма «Пророка». Речь здесь течет неторопливо, негромко, задумчиво; стих как бы отражает «суровую прозу» философского размышления. Лета прогнали «шалунью-рифму», «рифму-егозу», а новый для Пушкина белый «безрифменный» стих гибко и послушно выражает сложное душевное состояние.

Общий ритмический рисунок стихотворения определяется частыми переносами и внутренними (внутристрочными) паузами. Все это создает естественную интонацию живого размышления. Поэт обходит знакомые места; каждый предмет вызывает воспоминания, останавливает—отсюда паузы. Причем три из них—самые продолжительные—оттеняют новые фазы в развитии художественной мысли и соответственно отделяют четыре композиционно-смысловых части. Необходимость и значительность этих пауз подчеркивается Пушкиным графически: начиная стихотворение с отточия и неполной строки, он далее еще трижды делит строчки, обрывая их на середине и начиная новую строку как бы в продолжение оборванной. Вот как это выглядит:

	Вновь я посетил
.
Я в этих рощах.
.	Вот опальный домик
.
Ворочая при ветре...
.	На границе
.
По-прежнему все пусто.
.	Здравствуй, племя
.

Такое графическое размещение трех строк и начального полстрочия оттеняет смену образов, что отражается в интонационных сдвигах. После каждой из отмеченных пауз, каждого разрыва

строки интонация нарастает в связи с изменяющимися оттенками настроения. Если первые две части окрашены почти не скрывае-мой грустью, то, начиная с описания сосен, пробиваются иные ноты, появляются признаки воодушевления, перерастающего к концу в приветствие грядущим поколениям. В начале этой третьей части как будто продолжается тот же обход знакомых мест, «владений дедовских», и изменение настроения улавливается лишь при очень чутком вслушивании в звучание стиха; новая интонация пробивается здесь в изменении звукового строя, угадывается в ставшем чуть энергичнее ритме да в аллитерации: «...знакомым шумом шорох их вершин меня приветствовал»...

Почему в аллитерации? Потому что внимание к живому шуму жизни—уже свидетельство выхода человека из самососредоточенности. (Звукообраз приветственного шума деревьев влечет более отрадные ассоциации, чем аналогичные аллитерации в начале второй части: «...не слышу я шагов ее тяжелых», воскрешавшие медленное шарканье старческих шагов и в то же время напоминавшие о тишине вечного покоя.) А затем, после вслушивания в приветственный шум деревьев, поэт впервые в стихотворении обращает внимание на перемены, рождающие ощущение радости. Да, жизнь движется, идут годы, умирают близкие люди и ветшают мельницы; но в то же время около устаревших «знакомцев»-сосен вырастает «младая роща». Противопоставление прежней пустынности («где некогда все было пусто, голо») и теснящихся, разросшихся кустов, появление метафорического образа семьи—все это создает перелом в настроении поэта, передающийся читателю.

Автор не сопровождает описание молодой сосновой рощи лирическими реминисценциями, исповедальными признаниями. Напротив, авторское Я в этой части менее открыто, чем в предыдущих, но зато образы-картины приобретают большую лирическую нагруженность. А воображение читателя идет дальше, заставляет представить, что пробудилось в душе поэта при виде этой зеленой поросли, почему так естественно возникло у него сравнение кустов с детьми, а «младой рощи» и двух старых сосен—с семьей, откуда сожаление при взгляде на стоящую в стороне сосну—«угрюмого товарища», «старого холостяка». Жизнь продолжается, и мысли о потерях, переменах, старости отступают. На смену им идет мужественное приятие неизбежной смены поколений как вечного закона жизни. Метафорическое уподобление старых сосен с молодыми кустами семейному объединению людей сливаются для читателя в единый образ зеленую поросль деревьев и человеческую юность. И в возгласе: «Здравствуй, племя младое, незнакомое», с которым поэт обращается к этой «младой роще», слышится приветствие каждому новому юному человеческому поколению.

Заключительные строки оцениваются исследователями как

«полные оптимизма» (Н. Л. Степанов). Это несомненно так, если понимать под оптимизмом мудрость понимания неизбежности перемен и редкую способность ощущать жизнь как бесконечный процесс всеобщего обновления. Вместе с тем нельзя не ощутить в концовке привкуса горечи, которая не умаляет оптимизма, а придает ему строгость и серьезность, снимая то легковесное толкование пушкинского жизнелюбия, какое бытует в читательском сознании школьников. Мысль о собственном исчезновении не может не вызывать грусти, и она, несомненно, проглядывает в словах, следующих сразу же после приветственного возгласа: «Не я увижу твой могучий поздний возраст»... Однако грусть преодолевается, потому что «весь я не умру», потому что приветственный шум сосен услышит внук и «вспомынет» о том, кто в прежние годы прислушивался здесь к шороху старых деревьев. Как писал Б. Энгельгардт, «вместо того, чтобы сосредоточиться на моменте своего личного уничтожения, сознание поэта забегает вперед и созерцает вечную жизнь сменяющихся поколений»...²⁾

Важно отметить и такой момент: оптимизм рождается от ощущения своей личной причастности будущему; как «частица бытия», поэт сохраняется в своем внуке, в его памяти. Читатель невольно видит здесь Пушкина—главу семьи, в незримом окружении потомства, хотя «...в образе молодой зеленой рощи нет ни навязчивого аллегоризма, ни условной символики» (Н. Л. Степанов). От грустных раздумий об «общем законе» бытия, никого не щадящем законе старения и смерти, от созерцания необратимых перемен—через пристальное внимание к жизни природы, где так естественно постоянное обновление—к ассоциациям о семье, о продолжении своего Я во внуке—и, наконец, к философскому пониманию «бесконечного процесса всеобщей жизни» (Б. Энгельгардт), к готовности приветствовать каждое новое «младое племя»—таково движение художественной мысли Пушкина, в ход которой включается читатель. На глазах читателя произошел акт художественного познания философской идеи о бесконечности бытия.

Принято думать, что эту идею Пушкин «выразил в конкретном образе». Н. Л. Степанов утверждает: «Для... заключения и написано все стихотворение. Здесь раскрывается его идея, его лирический и философский подтекст... Материя не исчезает, явления природы и человек, как часть ее, бессмертны, так как в природе все диалектически изменяется: на смену старому вырастает новое. Эта философская идея выражена Пушкиным в образе неизменно обновляющегося леса»³⁾.

При таком истолковании получается, что Пушкин просто «оформил», «выразил в образе» понятую им ранее идею. Но для

²⁾ Б. Энгельгардт. Историзм Пушкина. «Пушкинист», вып. 2, 1916, стр. 92.

³⁾ Н. Л. Степанов. Лирика Пушкина. Стр. 405

чего же тогда столь ощутимо, с такой эмоциональной наполненностью воссоздает он картину за картиной, образ за образом? Для чего же вначале он грустит, сознавая свою покорность «общему закону»? Если идея ясна с самого начала и стихотворение написано «для заключения», значит все остальное—камуфляж? Если вывод оптимистичен и поэт знал, что он будет приветствовать будущее, то его изначальная грусть—обман неискушенного читателя? Можно предполагать, что все обстояло иначе. Поэт шел к конечному выводу именно так, как это воспроизведено в стихотворении: через воспоминания, созерцание, раздумье, наблюдение; через возникающие ассоциации—к итоговым суждениям, художественным открытиям. Он сам, поэт Пушкин, в процессе творческого познания прояснял свои переживания, преодолевал мрачность, печаль, досаду, которая заметна была в отправленном из Михайловского письме к жене⁴).

Сравним описание деревьев в нем и в стихотворении. Вот текст письма: «...около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу».

Здесь факт появления новой поросли сосен не предвещает оптимистического выхода. Напротив, Пушкин не скрывает огорчения: сопоставление «младой рощи» с новой, чужой юностью появляется здесь с проекцией на себя. На первый план выступает мысль об уходе собственной молодости,—отсюда досада видеть «молодых кавалергардов» и сознавать: «...уже не пляшу»... Если пользоваться терминами кинематографа, то здесь крупным планом дан автор, досадающий на произошедшую смену поколений.

В стихотворении же происходит переключение планов: автор сосредоточивается на молодых ростках жизни, увиденных в перспективе: к ним в свой черед придет «могучий поздний возраст», в жизни внука повторятся «приятельские беседы», полнота чувств—то, что было юнца-то пережито самим поэтом. Жизнь не останавливается. Досада сменяется желанием приветствовать грядущее поколение, передать ему свой опыт и остаться в памяти. Так рождается мысль о собственном бессмертии. Повернутая иной гранью, она станет темой другого стихотворения, которое скоро появится: «Я памятник себе воздвиг»...

Сопоставление письма и стихотворения позволяет видеть, как в процессе творчества преобразовывались личные переживания поэта и какая сложная гамма чувств входит в «состав» пушкинского оптимизма. Для объемного восприятия «Вновь я посетил» многое могут дать другие стихи Пушкина, написанные в 30-е го-

⁴) Об исчезновении мотива досады в стихотворении, по сравнению с письмами поэту, пишут Э. Л. Войцетовская и Э. М. Румянцева в своей книге «Практические занятия по русской литературе XIX века».

ды. Мысль о смене поколений появлялась еще в лирическом отступлении 2-й главы «Евгения Онегина», где она была почти лишена драматизма. Это объясняется, вероятно, тем, что сам поэт еще живо ощущал свою принадлежность к младому племени:

«Так наше ветреное племя
Растет, волнуется, кипит
И к гробу прадедов теснит,
Придет, придет и наше время,
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас!»

Читатель зрелого возраста, наверное, задержится на строчке: «И к гробу прадедов теснит»... Но в целом строфа не вызывает печальных мыслей. Ее ритмическое звучание и стилистическая окраска слов сосредоточивают внимание на процессе «вытеснения» прадедов внуками, отвлекая от мыслей о смерти. Характерны словесные образы, подчеркивающие природную естественность этого процесса: «жатва», «всходят, зреют и падут». В последних главах романа Пушкин не раз возвратится к мотивам этой строфы; будут повторяться мысли об уходящей молодости, о неизбежном конце, и если в 6-й главе прощанье с юностью совершается все еще по-пушкински легко и светло, то уже в 7-й весеннее оживление природы вызовет грустный вопрос:

«Или с природой оживленной
Сближаем думою смущенной
Мы увяданье наших лет,
Которым возрожденья нет?»

В стансах «Брожу ли я вдоль улиц шумных» (1829 г.) дума о смерти — постоянная спутница поэта. В отличие от строфы из 2-й главы «Евгения Онегина», в стансах очень заметен «момент... личного уничтожения» (Б. Энгельгардт); поэт лишь раз ощущает себя частью «общего потока» — поколения: «Мы все сойдем под вечны своды»; во всем же дальнейшем течении размышлений он сосредоточен на себе, на предчувствии и ожидании собственного «ухода». Причем даже те предметы и явления жизни, с образом которых обычно ассоциируются отрадные переживания (природа — «дуб уединенный», детство) вызывают у него ту же неотступную думу о круговороте времени, несущего расцвет одним и исчезновение другим. Кажалось бы, стихотворение, где неоднократно повторяются слова об исчезновении и тлении, могло приобрести мрачную эмоциональную окраску: однако этого не происходит. Размеренность и плавность звучания классического четырехстопного ямба, а также ровность интонации, где нет ни бурных подъемов, ни затуханий, словно бы исключает напря-

женность чувства, кажущуюся неизбежной, если осознать драматичность человеческого бытия. Равномерность ритма стиха невольно успокаивает, напоминая о постоянстве другого ритма — чередовании «младенцев» и «отцов» в вечном круговороте времени.

Кроме того, хотя личность автора и выделена здесь из общего потока человеческих поколений, она не индивидуализирована. Вообще образы в стансах обобщены, подняты над конкретностью и несут определенную печать литературной традиции: «вечны своды», «дуб уединенный», «юноши безумные», «охладелый прах» — все это еще близко условности романтического стиля. Поэтому, вероятно, стансы не рождают того щемяще-личного чувства, какое всегда сопутствует чтению «Вновь я посетил»... Лишь в конце, подготавливая финальный аккорд, появляются более интимные слова и «мягкие сердечные ноты» (А. Слонимский): «милый предел» и «почивать»⁵⁾. Но прежде всего «снятие» возможной мрачности и уныния — неизбежных спутниц всякого размышления о смерти — совершается самим движением мысли к гармоническому разрешению в последней строфе: человек смертен, но бессмертна молодость, и вечна, бесконечна красота природы, которая потому и «равнодушна», что в ней все обновляется и ничто не исчезает окончательно.

Вероятно, не нужно преувеличивать оптимизма и этой концовки. Безвозвратность человеческого «ухода» на фоне вечной красоты природы — все-таки диссонанс. «Личного» продолжения в грядущей жизни человечества поэт здесь не предвидит. Поэтому финал стансов больше перекликается не со стихотворением «Вновь я посетил», а с одой VI (из Анакреона), созданной в 1835 году:

«Сладкой жизни мне немного
Провожать осталось дней:
Парка счет ведет им строго,
Тартар тени ждет моей.
Не воскреснем из-под спуда,
Всяк навеки там зарыт:
Вход туда для всех открыт —
Нет исхода уж оттуда».

При несомненной близости основных мотивов, ни строфы из «Онегина», ни стансы не совпадают с художественной идеей «Вновь я посетил», хотя в какой-то мере подготавливают появление этого стихотворения. Обнаженность психологического состояния; захватывающая конкретность описаний природы и вос-

⁵⁾ О стансах «Брожу ли я вдоль улиц шумных» см.: В. М. Журмунский. Вопросы теории литературы. Academia. Л., 1923; А. Слонимский. Мастерство Пушкина. М., «Худож. литература», 1963.

поминаний, связанных со вновь увиденными местами; мужественное приветствие будущих поколений; достоверность сердечных движений и мудрая простота стиля — все это определяет удивительную даже для пушкинских стихов силу воздействия «Вновь я посетил» на взрослого читателя. Для него, в частности, необычайно важным оказывается тот новый поворот вечного философского вопроса о жизни и смерти, который приобретает здесь у Пушкина остро личный оттенок, связывается с «семейными мотивами»: мыслью о своем продолжении в будущих поколениях, радостью ощущать себя окруженным молодой порослью.

Желание сохранить память о себе как о поэте, «остаться» в творчестве возникало у Пушкина еще в первой половине 20-х годов. В начальных строфах «Евгения Онегина» об этом шла речь:

«Без неприметного следа
Мне было б грустно мир оставить,
Живу, пишу не для похвал;
Но я бы, кажется, желал
Печальный жребий свой прославить,
Чтоб обо мне, как верный друг,
Напомнил хоть единый звук». —

В стихотворении «Вновь я посетил» бессмертие понимается не только в этом высоком смысле, но и в более простом, интимно-человеческом. Однако, как уже говорилось, пятнадцатилетний школьник еще очень далек от размышлений о неодолимости времени, и стихотворение делается ему близким в том случае, если он видит в нем момент духовной жизни Пушкина. Поэтому «интимную», личную встречу поэта и восьмиклассника можно считать одной из основных методических задач урока (хотя бы на первом его этапе). На подготовку к этой встрече и следует ориентировать «механизм восприятия» ученика.

Общий рисунок урока при этом выглядит так: 1. Краткое слово (беседа, воспоминание) о встречах поэта с Михайловским. 2. Чтение стихотворения «Вновь я посетил» учителем или заранее подготовленным учеником. 3. Самостоятельное чтение текста про себя с целевым заданием: а) отметить моменты, где, по мнению каждого из читающих, ярче всего ощущается Пушкин-человек и где, в каких ситуациях происходят сдвиги, изменения в его настроении; б) назвать те картины природы, какие ярче всего представляются в воображении, и попытаться определить настроение, какое связано с ними у поэта. Найти детали, помогающие понять эмоциональную окрашенность «картин». 4. Обмен впечатлениями (свободная беседа о прочитанном по выдвинутым перед чтением вопросам).

Эти вопросы направляли школьников на поиски в стихотворении живых отражений личности поэта, то есть «организовыва-

ли» встречу с ним. Важно, чтобы беседа, возникающая после самостоятельных раздумий, не оказалась формальной, не свелась к простому перечислению и называнию представлений, картин. Если такая опасность существует, то учителю целесообразно самому включиться в разговор как читателю, показав на одном-двух примерах свое личное восприятие той или иной картины природы, настроения поэта, его душевного состояния. Слова учителя могут явиться своеобразным стимулятором дальнейших размышлений учащихся, но важно, чтоб они не превратились в эталон, которому будут стремиться подражать. Здесь важен тон учителя, выявление личных моментов в своем отношении к тексту.

После свободной беседы попытаемся направить внимание ученика на «сцепление образов» и на осмысление концовки стихотворения. Намечаем для этого два вопроса-задания:

1. В какой последовательности и почему сменяются в стихотворении образы-картины? Как меняется при этом душевное состояние поэта? 2. Исследователи поворят о заключительных строках стихотворения как «полных оптимизма». В чем, по вашему мнению, проявляется этот оптимизм, в чем он состоит? Сравните приветствие будущему во «Вновь я посетил...» с одной из строф «Евгения Онегина» («Увы! на жизненных браздах...»). Что — заключение стихотворения или строфа из романа — кажется вам более личным и что — более грустно?

Анализ стихотворения, помимо названного пути, может осуществляться через самостоятельную подготовку к выразительному чтению. Эта подготовка направляется вопросами-заданиями: 1. Определите и назовите настроение, характерное для каждой части стихотворения и раскрывающее переживания поэта, какое вы будете стремиться передать при чтении.

2. Как будет меняться характер и темп вашего чтения от начала к концу стихотворения? Какие слова и мысли вы интонационно выделите, подчеркнете произнесением как особенно важные, значительные?

В качестве индивидуального задания отдельным литературно развитым учащимся, а также при повторении лирики Пушкина в 10 классе можно рекомендовать сопоставление «Вновь я посетил...» и стансов «Брожу ли я вдоль улиц шумных». Это сопоставление в отдельных случаях целесообразно направить вопросами, чтобы добиться не констатации впечатлений, а анализа, вдумчивого и внимательного прочтения стихотворений учениками:

1. Какое из двух стихотворений производит на вас более сильное впечатление и чем вы это объясните? В котором из них вы живее ощущаете, представляете личность поэта?

2. Каково настроение поэта в начале обоих стихотворений, как и под влиянием чего оно меняется? В чем сходство и различие

заключительных строк стихотворения «Вновь я посетил»... и стансов?

3. Сравните несколько словесных образов в том и другом стихотворении (например, — «дуб уединенный» — и «холм лесистый», «патриарх лесов» — и «старые знакомцы»; «день каждый, каждую минуту привык я думой провожать» — и «уж десять лет ушло с тех пор, и много переменилось в жизни для меня»). Чем отличается их эмоциональная и стилистическая окрашенность? В чем различие впечатления, какое производят те и другие образы на читателя?

Таковы некоторые возможности работы над стихотворением «Вновь я посетил»... Все они имеют главной целью привлечь внимание к личности поэта. Когда школьник сосредотачивается на ней, ему делаются близкими те казавшиеся ранее отвлеченными проблемы, которые сами по себе, безотносительно к личности Пушкина не вызывали интереса и желания задуматься.

«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется», — можно бы повторить вслед за Тютчевым. Но вот два отголоска впечатлений, оставшихся в сознании школьников. Они, эти впечатления, проявились в следующем учебном году, когда учащиеся писали о других литературных произведениях.

«Конечно, очень трудно в 16 лет понять мысли человека, прожившего большую жизнь и задумывающегося о конце. Но забудем о своей молодости... Прислушаемся к движению души художника — и нам откроется мир чувств, от которых каждый узнавший их человек делается больше, расширяется и как бы перерастает себя».

«Смерть неизбежна и ждет каждого, независимо от того, как он к ней относится, думает о ней или нет. Отношение человека к смерти зависит прежде всего от его близости природе, и от его индивидуальности, конечно. Когда человек видит себя как «частичку бытия», когда он радуется чужой молодости и приветствует ее, у него не бывает ледящего душу страха смерти. Ему легче жить, легче дышать. Обычно перед такими людьми смерть бессильна: они остаются на земле, продолжая жить в бессмертных книгах, исчезающих красках художественных полотен, — в душе человечества».

Пусть не каждый ученик так открыто выразит свои чувства, навеянные чтением стихотворения «Вновь я посетил»... Но любой из сегодняшних восьмиклассников когда-нибудь станет старше. И, быть может, тогда пушкинское слово отзовется в нем, чтобы помочь преодолеть душевные сомнения, тоску и даже, быть может, смертную муку.

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ ИМЕНИ А. И. ГЕРЦЕНА

Ученые записки, т. 483

ПУШКИНСКИЙ СБОРНИК

Псков, 1972 г.